

Священник Дмитрий Пономарев

**Антониево-Дымский
монастырь**
в первые годы советской власти

Издание Антониево-Дымского
мужского монастыря
2017

УДК281.93
ББК86.372.24
П 56

**По благословию
Преосвященнейшего МСТИСЛАВА
Епископа Тихвинского и Лодейнопольского**

Пономарев Дмитрий, свящ.

П 56 **Антониево-Дымский монастырь в первые годы советской власти /
Д. А. Пономарев. — Издание Антониево-Дымского мужского мона-
стыря, 2017. — 56 с., ил.**

ISBN 978-5-906281-17-3

**УДК 281.93
ББК 86.372.24**

© Антониево-Дымский мужской
монастырь, 2017
© Д. А. Пономарев, 2017

ISBN 978-5-906281-17-3

Прежде чем говорить об Антониево-Дымском монастыре в первые годы Советской власти, вспомним, что произошло в нашей многострадальной стране в начале XX века. Все мы знаем, что после октябрьского переворота кардинально изменилось общее положение дел во взаимоотношениях Церкви и государства. Но еще до событий октябрьской революции 9 марта 1917 года Временное правительство уже отменило обязательное преподавание Закона Божия в школах и отобрало церковно-приходские школы у Церкви, подчинив их Министерству народного просвещения. 20 марта 1917 г. были отменены национальные и вероисповедные ограничения. Отныне для занятия важных государственных должностей и для ведения коммерческой деятельности не требовалось принадлежать к православной вере.

14 июля 1917 г. именно Временным правительством был принят закон «О свободе совести», в котором впервые в российской истории предусматривалось и вневероисповедальное состояние, т. е. гражданин мог не исповедовать никакой веры, а сектанты получали равные права с Православной церковью. Это было нормальное буржуазное законодательство. Оно свидетельствовало о глубокой секуляризации в обществе.

Практически сразу же после событий 25 октября 1917 года начался большевистский террор, который напрямую затронул Церковь. 19 января 1918 года в Петрограде красноармейцами и матросами во главе с комиссаром Иловайским была осуществлена попытка захвата Александро-Невской Лавры. В Лавру прибыл отряд с распоряжением о конфискации имущества, подписанным комиссаром 2-й Коллонтай. Но молившиеся ударили в набат, сбежался народ и нападавшие на Лавру были разоружены, винтовки у них отобрали. Однако вскоре к ним прибыло подкрепление с пулеметами. Тогда был смертельно ранен настоятель латышского прихода надвратной церкви «Всех скорбящих Радосте» протоиерей Петр Скипетров, который пытался *пасторским увещанием* защитить людей и остановить красноармейцев. Но в ответ раздались выстрелы, револьверная пуля попала священномученику в нижнюю челюсть и застряла в шее. «После этого изверги размозжили ему прикладом голову»¹.

В тот же день Святейший Патриарх Тихон обратился с посланием к верующим, которое было зачитано на заседании Поместного Собора в Москве. В послании патриарха тогда прозвучали такие слова: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной. Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаю и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение...»²

В Петрограде стало известно об обращении Патриарха Тихона. К ночи было созвано заседание Совнаркома, которое в спешном порядке рассмотрело проект Декрета «О свободе совести, церковных и религиозных общинах». С рядом поправок проект был принят, и тотчас опубликован в «Правде» и в «Известиях»³.

По сути это был первый законодательный акт РСФСР, воплотивший в себе «программные требования коммунистической партии по отношению религии и Церкви...» Декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР, как его еще называли, «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» был отредактирован лично Лениным и стал на долгие времена базой для проведения вероисповедной политики государства⁴.

Декрет содержал 13 немногословных статей, в которых последовательно проводился принцип отделения Церкви от государства и школы от Церкви. В соответствии с этим документом каждый гражданин мог исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, РПЦ утрачивала свой привилегированный статус. Провозглашалась свобода совести, отменялись преимущества или привилегии на основании вероисповедания. Преподавание религиозных вероучений в школах любого типа было запрещено, все учебные заведения, принадлежавшие церкви (духовные училища, семинарии, академии), закрывались. Религиозным сообществам запрещалось владеть собственностью, они теряли право юридического лица⁵, а все церковное имущество подлежало национализации.

Советская власть не издавала специального документа об упразднении монастырей. Однако в Декрете «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» все имущество церквей и монастырей было объявлено народным достоянием и поступало в распоряжение советов народных депутатов⁶.

Кроме того советская власть создавала специальные учреждения, призванные непосредственно решать связанные с Церковью вопросы или, точнее говоря, осуществлять руководство в борьбе с ней⁷.

25 января 1918 г. Поместный собор выразил свое мнение по поводу принятия закона «О свободе совести»⁸. Он назвал этот закон покушением на весь строй жизни Православной Церкви и актом открытого против нее гонения. Особое возмущение православного духовенства и верующих вызвало также распоряжение Наркомюста, по которому в соответствии с декретом об отделении Церкви от государства монастыри должны были быть закрыты до «особого распоряжения», а монастырское имущество переходило в ведение совдепов⁹.

Как повлияло на жизнь новгородских монастырей подобное «победоносное» шествие Советской власти? Как они смогли адаптироваться в этих сложных условиях кардинального изменения взаимоотношений Церкви и государства? На все эти вопросы мы можем найти ответы в документах фондов вновь образованных органов государственного управления Новгородской губернии тех лет¹⁰, а также в фондах Новгородского епархиального совета (ГАНО. Ф. 481).

Итак, обратимся непосредственно к рассмотрению положения дел в монастырях Новгородской епархии в первые годы Советской власти и сделаем это на примере описания жизни небольшого заштатного Антониево-Дымского монастыря, расположенного в Тихвинском уезде. Правда, необходимо пояснить, что декретом Совнаркома от 27 января 1918 года «О порядке изменения границ губерний, уездов и проч.» Тихвинский, Белозерский, Устюженский, Кирилловский и Череповецкий уезды вошли в состав вновь образованной Череповецкой

Разрушенные храмы монастыря

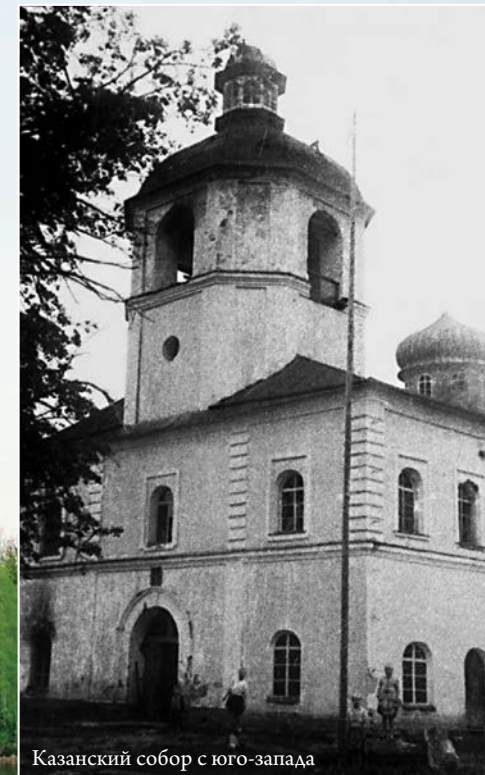
Алтарная часть Казанского собора

Западный фасад Казанского собора

Колокольня Казанского собора

Казанский собор с юго-запада

Церковь Рождества
Иоанна Предтечи

Восточный фасад Казанского собора

Западный вход в Казанский собор

Южный фасад Казанского собора

Северный фасад Казанского собора

губернии¹¹, но Дымский, несмотря на изменения в административном делении, как и другие тихвинские монастыри, все равно, вплоть до своего упразднения, оставался в составе Новгородской епархии и подчинялся Новгородскому епархиальному совету, о чем свидетельствуют многочисленные документы фонда № 481 (ГАНО).

В делах фонда Новгородского епархиального совета (ГАНО. Ф. 481) Государственного архива Новгородской области содержатся подробные сведения о наличии земли, инвентаря, хозяйственной деятельности, наличии капиталов практически всех без исключения монастырей Новгородской епархии¹². В них в обязательном порядке присутствует историческая справка с указанием дат постройки и ремонта зданий обителей. Есть сведения о духовной жизни монастырей, совершении в них богослужений, послужные списки насельников. В общем и целом поражает обилие статистических данных, ведь учитывалось практически все, что касалось деятельности монастырей, вплоть до сумм тарелочных сборов. Количество проданных свечей, просфор и вина для служб, лампадного масла, дров для отопления помещений и т. д. и т. п. — все эти сведения присутствуют в ведомостях монастырей. Сегодня такой подробной статистики не существует, а тогда она была.

Там же в фонде Новгородского епархиального совета содержатся многочисленные рапорты благочинных монастырей и их настоятелей, а также выписки из решений совета по результатам их обращений.

Чтобы понять, как жил Антониево-Дымский монастырь сразу после октябрьского переворота, обратимся к ведомостям обители, представленным в Новгородский епархиальный совет за 1918 год. Согласно документам «О приходе, расходе

и остатке штатных и неокладных сумм наличными деньгами и билетами кредитных учреждений» в 1918 году хозяйственное положение заштатного Антониево-Дымского монастыря выглядело следующим образом. Общий доход достиг 24 062 рублей 06 копеек. Обителью было израсходовано на собственные нужды 20 972 рубля 44 копейки. Остаток денежных средств на конец 1918 года составил 3089 рублей 62 копейки. Кроме того монастырь в 1918 году в банковских кредитных билетах обладал суммой в 89 878 рублей¹³. Причем и в предыдущем 1917 году монастырь полностью смог покрыть все свои расходы. Остаток денежных средств после всех выплат, сделанных в 1917 году, составил 1728 рублей 28 копеек¹⁴.

По состоянию на 1918 год монастырь владел 306 десятинами 1511 саженьями земли, из которой собственно под монастырскими строениями, садом, огородом и кладбищем было занято три десятины 30 саженьей¹⁵, под пахотой — 32 десятины 1350 саженьей, сенокосом — 37 десятин 606 саженьей. Лесных угодий за монастырем числилось 194 десятины 1291 саженьей и неудобий 39 десятин 634 саженьей¹⁶. Лес в основном использовался для мелкого ремонта (например, для исправления мельницы, принадлежавшей монастырю, починки мостов на дорогах, ведущих к обители, для ремонта полов монастырских строений и т. д.) и заготовки дров¹⁷.

В 1918 году насельниками монастыря было посеяно на своих полях 70 четвериков ржи, а собрано 230 четвериков (один четверик — восемь пудов), что составляет почти двадцать девять с половиной тонн зерна¹⁸! Кроме того было получено урожая: 300 четвериков капусты (38,4 т), 10 четвериков огурцов (1,28 т), 30 четвериков свеклы (3,84 т), 320 четвериков овса (40,9 т), 9 четвериков лука (1,15 т), 200 четвериков картофеля

(25,6 т). Было накошено для пяти имевшихся в обители лошадей и 17 коров двести возов сена¹⁹! При семнадцати монашествующих и десяти рабочих в пересчете на одного работающего соответственно было произведено по тонне ржи, 1,42 т капусты, 47,4 кг огурцов, 142 кг свеклы, полторы тонны овса, 42,6 кг лука, 948 кг картофеля, 7,4 воза сена! Перед нами образцовое сельскохозяйственное производство.

При анализе статей доходов, которые получал заштатный Антониево-Дымский монастырь, можно прийти к выводу, что обитель существовала за счет двух основных видов деятельности. Монастырь кормился за счет сельского хозяйства, причем поля, огороды и сенокосные угодья под руководством настоятеля обрабатывались в основном братией (17 чел.) совместно с наемными рабочими (10 чел.). И, естественно, обитель имела доходы от своей непосредственной религиозной деятельности.

Так, за 1918 год доход от продажи продуктов сельского хозяйства составил 12 210 рублей 05 копеек. А если подсчитать общую сумму денежных поступлений, которую монастырь получил от своей религиозной деятельности, то от молебнов, записок, продажи свечей, икон, книг и пр. общий приход составил 10 140 рублей 40 копеек. Здесь необходимо учитывать, что свечи, книги и иконы для продажи следовало закупать. Для проведения богослужений приобретали ладан, вино и лампадное масло. А потому сумма чистого дохода от религиозной деятельности составила — 7685 рублей 05 копеек.

Если учесть, что монастырь затратил еще 422 рубля 90 копеек на исправление сбруи и покупку сельскохозяйственного инвентаря, 566 рублей 68 копеек на покупку, дополнительно к производимому, фуража для животных, 257 рублей 12 копеек на приобретение семян, 100 рублей на ремонт мельницы, то,

за минусом зарплаты постоянным рабочим, которая составила 2709 рублей 62 копейки в год, и временным рабочим, которая составила 1765 рублей 75 копеек, прибыль от сельскохозяйственной деятельности оказалась примерно равна прибыли от религиозной и составила 6387 рублей 98 копеек.

Здесь необходимо еще обратить внимание на тот факт, что постоянный рабочий в Дымском монастыре в среднем получал 270 рублей в год! И при этом он пользовался бесплатным жильем и питался в трапезной за счет монастыря. Для сравнения скажем, что приходской священник ближайшей к Дымскому монастырю Никольской церкви Дымского погоста в 1918 году мог воспользоваться вместе со штатным псаломщиком для собственного пропитания лишь кружечным сбором в размере 400 рублей, процентами от капиталов прихода в размере 36 рублей 86 копеек и 60 рублями дохода, который приносила церковная земля. Жалование им в 1918 году не выплачивалось. Таким образом, зарплата рабочего Антониево-Дымского монастыря была примерно равна доходам священника ближайшей сельской церкви²⁰, прихожанами которой, не считая детей, числились 1121 взрослый мужчина и 1196 женщин²¹.

После знакомства с этими цифрами мы приходим к закономерному выводу, что Дымский монастырь обладал достаточно эффективным сельским производством, но покрывать все свои затраты только из доходов от одной религиозной деятельности он не смог бы.

Так, например, дополнительно необходимо было выплатить содержание семнадцати насельникам в размере 1730 рублей (практически на тысячу рублей меньше, чем десяти постоянным рабочим, или ровно столько же, сколько выплачивалось нанимаемым временным рабочим); затратить 1007 рублей

91 копейку в год на отопление (дрова) и освещение; 222 рубля 60 копеек на приобретение кухонной посуды²²; 145 рублей на ремонт дорог, тротуаров и мостов; 6257 рублей 91 копейку на содержание трапезной и столовой для братии и богомольцев, которых монастырь кормил без оплаты; заплатить 6 рублей 32 копейки земского сбора²³; на командировочные издержки и канцелярские принадлежности истратить 263 рубля 6 копеек; на мелочные и случайные расходы — 1116 рублей 73 копейки; заплатить налоги (на содержание консистории и другие епархиальные нужды) на сумму 1095 рублей 60 копеек²⁴; направить на содержание епархиальных учреждений еще 118 рублей; потратить 8 рублей на выписку журналов и газет²⁵; перечислить из тарелочных и кружечных сборов 17 рублей 88 копеек на содержание семинарии и 118 рублей на содержание женских епархиальных училищ²⁶.

По указу Новгородской духовной консистории за № 2293 от 24 февраля 1890 года заштатный Антониево-Дымский монастырь считался полуобщежительным. Это означало, что старшая братия и послушники содержались на жаловании, которое выдавалось за счет неокладных сумм монастыря. Кроме того монастырь выдавал братии и послушникам чай и сахар, и «по усмотрению настоятеля младшей братии выдавалась одежда и обувь»²⁷, на что в 1918 году было потрачено 706 рублей.

Если суммировать все указанные в ведомостях за 1918 год затраты Антониево-Дымского монастыря без учета затрат на организацию религиозной деятельности и ведение сельского хозяйства обители, то получим сумму в 12 805 рублей 55 копеек. Соответственно, если бы монастырь не имел прибыли от своей сельскохозяйственной деятельности в размере 6387 рублей 98 копеек, то с учетом полученной примерной суммы дохода

в размере 7685 рублей 05 копеек от религиозной деятельности при выявленных затратах годовой долг монастыря составил бы 5120 рублей 50 копеек. Даже с учетом остатка наличных средств от 1917 года в размере 1728 рублей 28 копеек общий минус от его хозяйственно-экономической деятельности составил бы 3392 рубля 22 копейки. А так с учетом всех доходов от всех видов деятельности к 1919 году после всех выплат у монастыря оставалось наличными 3089 рублей 62 копейки, и в кредитных билетах банковских учреждений он имел капиталов еще на 89 878 рублей²⁸.

В «Общих сведениях о Тихвинском Антониево-Дымском монастыре за 1918 год», поданных в Новгородскую духовную консисторию, указано, что «все налоги, взносы и сборы, назначенные как правительством гражданским, так и епархиальным начальством уплачивались и вносились своевременно. Долга на монастыре нет»²⁹.

В заключение анализа хозяйственно-экономической деятельности обители хотелось бы подчеркнуть тот факт, что насельник монастыря получал на свое содержание в среднем около 100 рублей в год, тогда как постоянный рабочий, которого вдобавок кормили в монастырской трапезной и которому предоставляли жилье, как мы уже говорили выше, получал 270 рублей в год.

Стоит еще отметить, что на содержание трапезной для братии и богомольцев, которых монастырь кормил без оплаты, выделялись 6257 рублей 91 копейка, а общий примерный доход от всей религиозной деятельности монастыря составлял, как мы видели выше, примерно 7685 рублей 05 копеек. Фактически монастырь тратил почти все поступающие от записок, молебнов, продажи свечей и т. п. пожертвования на то, чтобы

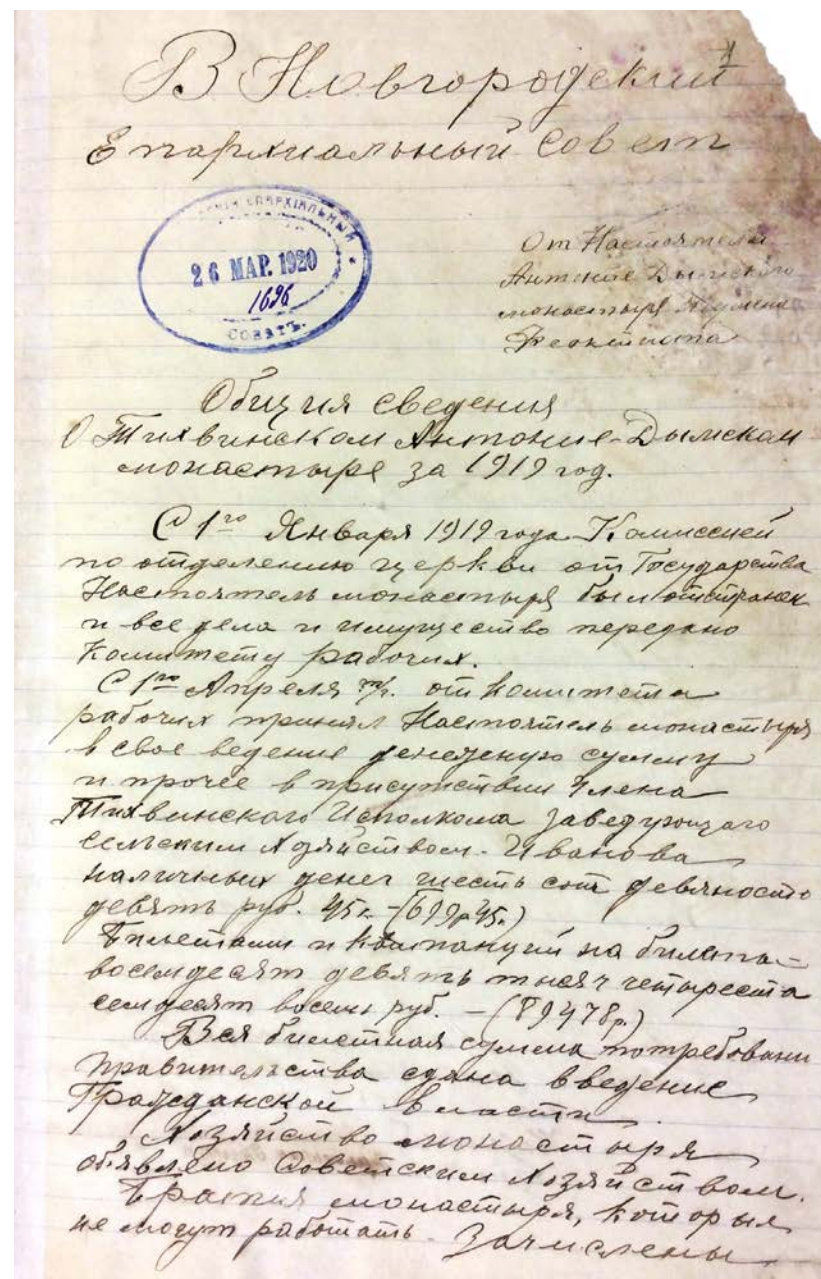

бесплатно накормить посещавших обитель паломников и своих рабочих. А на жизнь себе братия зарабатывала тяжелым крестьянским трудом, к которому еще добавлялся ежедневный труд духовный, что полностью развеивает миф о якобы бездельниках-монахах. Причем монастырь не отказался от своей многовековой традиции бесплатно кормить посещавших обитель паломников даже несмотря на четыре года Первой мировой войны, смену власти, начинавшуюся гражданскую войну и репрессии.

Здесь следует отметить, что еще в середине XIX века, в 1864 году газета «Новгородские губернские ведомости» сообщала, что таких «богомольцев, посещающих Дымский монастырь, для поклонения местной святыне и для купания в монастырском озере» насчитывалось порядка двадцати пяти тысяч человек в год, и всем им бесплатно раздавали в благословение хлеб и предлагали братскую трапезу³⁰. А это в среднем более семидесяти человек в день! В наше время, даже при наличии современных шоссейных дорог и комфортабельных автобусов, паломников, которые посещают Дымский монастырь, значительно меньше. А в те времена богомольцы в основном шли в монастырь пешком, и в редких случаях более состоятельные из них передвигались по тракту на лошадях.

Важно отметить и тот факт, что монастырь содержал и ремонтировал все ведущие к нему дороги, ремонтировал мосты... И тогда встает закономерный вопрос: кому и зачем понадобилось все это разорять?

Однако, согласно докладной записке настоятеля обители игумена Феоктиста в Новгородский епархиальный совет от 26 апреля 1919 года, зарегистрированной за № 1696, 1 января 1919 года Комиссией по отделению Церкви от государства

Фрагмент докладной записки игумена Феоктиста в Новгородский епархиальный совет от 26 апреля 1919 года

Тихвинского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов монастырь был упразднен³¹.

Здесь следует сказать несколько слов о последнем составе насельников упраздненного Антониево-Дымского монастыря. Последним настоятелем обители был игумен Феоктист (в миру — Дмитрий Кириллов)³². В 1917 году ему было 43 года. Он происходил из крестьян Новгородской губернии, Череповецкого уезда, обучался в сельской школе. Овдовев в 29 лет, 22 августа 1903 года он поступил в Юрьев монастырь в Новгороде, где по прошествии четырех лет 15 января 1907 года принял монашество.

25 марта 1908 года он был рукоположен в иеродиакона, а 5 октября 1909 года в иеромонаха. 28 мая 1910 года он был назначен казначеем Юрьева монастыря, а 16 августа 1911 года был награжден набедренником.

Определением Священного Синода за № 15641 от 22 октября 1913 года иеромонах Феоктист был назначен исполняющим обязанности настоятеля Тихвинского Антониево-Дымского монастыря. 25 августа 1914 года Указом Новгородской духовной консистории согласно резолюции правящего архиерея утвержден в должности настоятеля. 28 марта 1916 года Определением Священного Синода за № 2307 награжден саном игумена. А 21 мая 1916 года Архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений, впоследствии священномученик, прославленный на Соборе 2000 года, возвел иеромонаха Феоктиста в сан игумена за поздней Литургией в Иверском Валдайском монастыре.

Последний игумен очень много внимания уделял действовавшему при монастыре училищу для крестьянских детей, поэтому ему по определению Епархиального училищного совета за № 4 от 14 августа, утвержденному Его Высокопреосвященством,

указом от 10 октября 1917 года за № 3777 было преподано Архипастырское благословение за заботы о церковно-приходской школе при монастыре.

22 апреля 1918 года Определением Священного Синода за ревностные труды и заботы о вверенном ему монастыре игумен Феоктист был награжден наперсным крестом³³.

В 1918 году в Новгородскую консисторию игумен монастыря отправил «Ведомость о числе монашествующих», согласно которой в обители в то время проживало 27 насельников, среди них было, включая игумена Феоктиста, 11 монахов. Остальные насельники числились послушниками и трудниками.

Согласно этой же «Ведомости» духовником монастыря с 1 марта 1913 года числился иеромонах Никодим (в миру — Николай Измайлов). Он происходил из обер-офицерских детей, обучался в градском уездном училище, был холост. Он являлся одним из старейших и по возрасту (в 1917 году ему исполнилось 74 года), и по времени пребывания в монастыре насельников Дымской обители. Еще 24 апреля 1873 года Николай Измайлов был определен послушником в Антониево-Дымский монастырь, и здесь же, спустя четыре года, 29 июня 1877 года принял монашество. 6 декабря 1879 года он был рукоположен в иеродиакона, а 6 февраля 1884 года в иеромонаха. 8 декабря 1888 года Указом Новгородской духовной консистории иеромонах Никодим был назначен ризничим, а с 17 ноября 1892 года был утвержден в звании заведующего, совместно с настоятелем, хозяйственной частью монастыря. 9 октября 1900 года он был награжден набедренником. 1 мая 1913 года Указом Новгородской консистории за № 6448 был уволен от должности ризничего и назначен духовником монастыря³⁴. Отец Никодим скончался 8 августа 1919 года³⁵.

Исполняющим должность ризничего монастыря являлся иеромонах Петр (в миру — Ларион Емельянов). Он происходил из крестьян Тверской губернии и обучался в сельской школе, женат не был. В 1917 году ему было 66 лет. 14 марта 1890 года в возрасте 39 лет он был определен послушником в Кирилло-Белозерский монастырь. По прошествии трех лет, 29 ноября 1893 года, принял монашество. 8 октября 1897 года по прошению был переведен в Савво-Вишерский монастырь. 22 марта 1898 года рукоположен в иеродиакона, и с 21 сентября 1898 года исполнял послушание ризничего. С 4 апреля 1900 года по собственному прошению он был перемещен в Антониево-Дымский монастырь и Указом консистории за № 6448 определен исполняющим обязанности ризничего. 6 ноября 1914 года был рукоположен в иеромонаха³⁶.

В Антониево-Дымском монастыре в 1918 году проходил послушание еще один иеромонах Петр (в миру — Поликарп Федоров-Сафонов). Он происходил из дворян, обучался дома, женат не был. В 1917 году ему исполнилось 67 лет. 13 мая 1880 года дворянин Поликарп Федоров в возрасте 30 лет был определен послушником в Антониево-Дымский монастырь. 19 февраля 1885 года, еще будучи послушником, по Указу консистории он был поставлен исполняющим должность казначея. 9 мая 1886 года Поликарп принял монашество и был пострижен в Дымской обители с именем Петр. 27 марта 1888 года он был уволен от должности казначея. 14 декабря 1894 года рукоположен в иеродиакона, а 3 августа 1897 года в иеромонаха. 3 мая 1899 года иеромонах Петр вновь был назначен исполняющим обязанности казначея. 16 марта 1905 года награжден набедренником. А 25 июня 1911 года опять уволен с должности казначея. 6 апреля 1913 года распоряжением епархиального начальства

за № 2289 вновь был назначен исполняющим должность казначея, но 4 августа 1915 года Указом консистории за № 13210 уволен с этой должности. Несмотря на многочисленные свои отставки иеромонах Петр всегда характеризовался игуменами хорошо, отмечалось его усердие к послушанию³⁷.

Еще одним насельником Дымского монастыря того времени являлся иеромонах Мартирий (в миру — Стефан Кротков). Родом он был из Череповецкого уезда и происходил из семьи диакона. Обучался в Кирилловском духовном училище, женат не был. В 1917 году ему было 67 лет. 18 сентября 1889 года Стефан Кротков был принят послушником в Троицкий Зеленецкий монастырь. Там же 28 июля 1891 года принял монашество. 15 августа 1891 года рукоположен в иеродиакона. 7 августа 1897 года Указом Новгородской духовной консистории был перемещен в Антониево-Дымский монастырь. 27 июня 1908 года рукоположен в иеромонаха. Указом консистории за № 266 от 11 января 1911 года иеромонах Мартирий (Кротков) был утвержден на должность духовника монастыря, а год спустя освобожден от нее. Его сменил на этой должности 1 мая 1913 года иеромонах Никодим (Измайлов).

Указом консистории от 4 сентября 1913 года за № 13495 за самовольную отлучку из монастыря и пьянство иеромонаху Мартирию было запрещено священнослужение и ношение монашеских одежд. Но уже через полтора года Указом консистории от 22 января 1915 года ему было разрешено священнослужение, и в дальнейшем он характеризовался хорошо³⁸.

Из крестьян Демянского уезда Новгородской губернии происходил еще один насельник Антониево-Дымского монастыря иеромонах Иов. Именно с ним связано устное предание, согласно которому один из иеромонахов обители так и не смог

Иеромонах Иов (Измайлов)

покинуть свой монастырь после его закрытия. Он поселился в одной из ближайших деревень Остров в доме верующей женщины Марфы Чижовой и несмотря на гонения и опасность ареста долгие годы после закрытия обители продолжал совершать тайные богослужения в домах верующих людей. Иеромонах Иов ходил по окрестным деревням вокруг своего монастыря, крестил, служил молебны, напутствовал усопших. Это стоило ему жизни. «Около 1937 года отец Иов был злодейски убит в глухом болотистом месте по пути в рабочий поселок Багерный»³⁹. До сих пор в монастыре хранятся принадлежавшие ему вещи, например, крест-мощевик.

Иеромонах Иов (в миру — Иван Измайлов) обучался в министерском училище. Женат не был. В 1917 году ему исполнилось 52 года. В Новгородский Антониев монастырь он был определен послушником 2 января 1895 года. 7 июня 1896 года принял постриг. В иеродиакона его рукоположили 28 июня 1898 года, а в иеромонаха 22 июня 1905 года. 13 декабря 1902 года он был назначен исполняющим обязанности ризничего. 25 августа 1905 года по резолюции Его Высокопреосвященства утвержден в должности ризничего. 1 декабря 1909 года иеромонах Иов был награжден набедренником. Резолюцией Его Высокопреосвященства за № 7106 от 4 ноября 1913 года он был перемещен в Антониево-Дымский монастырь⁴⁰.

Самый интересный послужной список принадлежал седьмому по состоянию на 1918 год иеромонаху Антониево-Дымского монастыря Ксенофонту. Отец Ксенофонт (в миру — Константин Иванов) происходил из крестьян Вологодской губернии. Обучался дома. Женат не был. В 1917 году ему было 66 лет.

28 декабря 1876 года Константин Иванов был определен послушником в Иверский Валдайский монастырь. 31 июля

1883 года принял монашество. 29 июля 1885 года его переместили в Юрьев монастырь. 24 июля 1888 года рукоположили во иеродиакона. С 27 июня 1891 года он состоял членом управления новгородского епархиального свечного склада, а с 13 сентября 1894 года был назначен исполняющим обязанности его казначея. 16 октября 1894 года иеродиакона Ксенофонта рукоположили во иеромонаха. 7 декабря 1897 года он был утвержден в должности казначея. 31 марта 1903 года его наградили набедренником. А 10 июня 1905 года он был командирован на Дальний Восток.

16 августа 1906 года, по прошению, резолюцией Архиепископа Выборгского и Финляндского иеромонах Ксенофонт был принят в Выборгскую епархию и зачислен в число братии Валаамского монастыря. 6 февраля 1907 года за усердную службу и особенные труды во время Русско-японской войны в полевом военном госпитале на Дальнем Востоке он был награжден орденом Св. Анны III степени.

Согласно своему прошению иеромонах Ксенофонт 15 июля 1909 года Указом Новгородской духовной консистории за № 1400 был переведен для прохождения дальнейшего служения вначале в Клопский монастырь, а затем Указом за № 12119 от 14 июля 1913 года перемещен в Дымский монастырь. Указом за № 13210 от 4 августа 1915 года он был назначен и. о. казначея, но 18 августа 1918 года освобожден от этой должности⁴¹.

Следует отметить, что к 1918 году практически все иеромонахи Дымского монастыря, кроме игумена и иеромонаха Иова, были весьма преклонного возраста: 66–74 лет от роду.

Одним из двух иеродиаконов в 1918 году в Антониево-Дымском монастыре числился отец Артемий (в миру — Андрей Кузнецов). В 1917 году ему исполнился 61 год. Он происходил

Крест-мошечник иеромонаха Иова (Измайлова). Ныне хранится в Антониево-Дымском монастыре

из крестьян Старорусского уезда Новгородской губернии. Обучался дома, женат не был. 8 ноября 1903 года был принят послушником в Реконскую пустынь, а 13 марта 1905 года пострижен в монашество. По собственному прошению 13 сентября 1905 года он был перемещен в Антониево-Дымский монастырь, где 16 апреля 1906 года рукоположен в иеродиакона. Характеризовался игуменом как способный, хороший монах⁴².

Второй иеродиакон Киприан (в миру — Кирилл Шляков) происходил из крестьян деревни Донское Череповецкого уезда. Обучался в сельской школе, женат не был. В 1917 году ему было 42 года. 3 сентября 1914 года он поступил на испытание в Антониево-Дымский монастырь. 12 января 1915 года Кирилл Шляков Указом консистории был определен послушником. Здесь же в Дымской обители 6 марта 1916 года он принял постриг, а 11 июня 1917 года был рукоположен во иеродиакона. Согласно ведомости за 1918 год он характеризовался игуменом как способный и усердный монах⁴³.

В 1918 году в числе насельников монастыря также числились монахи Пантелеимон и Венедикт. Монах Пантелеимон (в миру — Павел Бойцов) происходил из крестьян Боровичского уезда Новгородской губернии. Женат не был. В 1917 году ему было 56 лет. 6 февраля 1907 года он поступил на испытание в Антониево-Дымский монастырь, а 29 декабря 1908 года определен послушником. 23 мая 1912 года он был пострижен в монашество и исполнял должность пономаря⁴⁴.

Монах Венедикт (в миру — Александр Тимофеев) происходил из крестьян Старорусского уезда Новгородской губернии. Обучался дома. Вдовец по первому браку. В 1917 году ему исполнился 61 год. 16 марта 1914 года он поступил на испытание в Антониево-Дымский монастырь, а 11 июня 1914 года Указом

консистории за № 299 был определен в послушники. Пострижен в монашество 13 марта 1916 года. Проходил послушание чернорабочего⁴⁵.

На испытании в Антониево-Дымском монастыре в 1918 году проживали послушники: Федор Слипенко, Степан Алексеев, Борис Климов, Иван Крупнов, Сергей Шитов и Евгений Голдобин. В основном они происходили из крестьян Тихвинского уезда. Самым молодым из них был Борис Климов, которому в 1917 году исполнилось 15 лет, а самому старшему, Федору Слипенко, было 76 лет. Все они характеризовались игуменом хорошо.

Вся братия, согласно ведомости за 1918 год, и старшая, и младшая «к богослужению приходит ежедневно», «христианский долг исповеди и причастия Св. Таин братиею исполняется неупустительно во все посты, в свободное время братия занимается чтением духовных книг и работами по хозяйству»⁴⁶.

Как пишет исследовательница жизни новгородских обителей Л. А. Секретарь, «Февральская и последовавшая за ней октябрьская революции обернулись для монастырей настоящей катастрофой. В 1920 г. обители Новгорода и окрестностей были полностью закрыты... Процесс полной ликвидации монастырей... можно условно разделить на три периода. В 1917–1919 гг. была заложена юридическая основа и созданы организационные структуры (в том числе карательные) для претворения в жизнь задуманной большевиками программы⁴⁷, в 1920 г. произведена тотальная ликвидация монастырей и передача храмов коллективам верующих, в 1920–1930 гг. были закрыты храмы»⁴⁸.

Из рапорта благочинного монастырей архимандрита Антония, который поступил в Новгородский епархиальный

совет еще 21 декабря 1918 года, и зарегистрированного за № 11495/571, мы узнаем, «что при всех монастырях Тихвинского уезда: Тихвинском Большом, Тихвинском Введенском, Тихвинском Николо-Беседном, Дымском и Реконской пустыни Комиссией по отделению Церкви от государства при Тихвинском совдепе образованы комитеты рабочих из нижних послушников и рабочих при недопущении: архимандритов, игуменов, иеромонахов...», т. е. настоятелей и старшей братии⁴⁹. Из другого документа мы узнаем, что все монастыри после организации в них рабочих комитетов были обращены советской властью в совхозы, подчиненные уездному земотделу⁵⁰.

Необходимо отметить, что к весне 1919 года и само епархиальное начальство уже настоятельно рекомендовало организовывать при монастырях подобные совхозы. По всей видимости, это был единственный способ хоть как-то сохранить разоряемые обители. Так, благочинный Тихвинских монастырей архимандрит Антоний предписанием своим за № 181 от 30 апреля 1919 года на основании Указа Новгородского епархиального Совета за № 2380 от 26 апреля 1919 года ставил монастырские общины в известность о том, что при них необходимо немедленно «организовать коммуны-общины, уставы которых должны быть зарегистрированы в законном порядке у гражданских властей»⁵¹. Но это распоряжение запоздало.

Уже в рапорте благочинного тихвинских монастырей архимандрита Антония от 22 декабря 1918 года за № 11521/580 говорится о том, что монастырским комитетам «передано все монастырское имущество и ризницы и прежним начальствующим в обителях запрещено вмешиваться в дела особыми распоряжениями комиссии... Положение насельников св. обителей и прежних начальствующих неопределенное и очень

неясное...»⁵² Надо отметить, что монастырское имущество не только передавали образованным на их основе совхозам, но и активно реквизируют⁵³.

О том, как закрывались монастыри на практике, мы можем судить из объяснительной записки в Новгородский епархиальный совет от 22 февраля 1919 года настоятеля одной из обителей Тихвинского уезда, Троицкой Реконской пустыни, игумена Иннокентия. Настоятель пустыни писал, что рабочий комитет монастыря был образован против его воли. 12/25 декабря 1918 года в обитель «явились два члена Тихвинской комиссии по отделению Церкви от государства Озеров и Веселов, которые предложили настоятелю и всей братии собраться в трапезной, и там объявили, что отныне настоятель и старшая братия отстраняются от управления монастырем, и вся полнота власти будет передана монастырскому рабочему комитету. После этого настоятеля и иеромонахов удалили из собрания, а из числа дьяконов, монахов, послушников и рабочих организовали комитет, которому члены комиссии передали все административное и хозяйственное управление монастырем. Иеродиаконы и монахи, привлеченные к выборам комитета, боялись противиться власти, а также, опасаясь полного разорения монастыря, решили временно организовать требуемый властью рабочий комитет...»⁵⁴

Из других документов Новгородского епархиального совета того времени мы узнаем, что после собрания уполномоченные вручили игумену Реконской пустыни бумагу за № 10 и подписью председателя комиссии по отделению Церкви от государства Озерова и секретаря комиссии Веселова⁵⁵, где было сказано: «Предписывается незамедлительно... комитету сдать все без исключения имущество монастыря, в чем бы оно

ни заключалось, а также все деньги, документы и т. д. И отныне всеми делами и имуществом монастыря ведает избранный комитет, будучи за все ответственным перед советской властью и являясь единственной административной властью монастыря. За неисполнение распоряжений и требований монастырского комитета обитатели монастыря будут привлекаться к ответственности по всей строгости революционного закона»⁵⁶.

При сдаче наличных денег члены комиссии заподозрили, что игумен часть из них утаил. Никакие объяснения, что в монастыре больше денег нет, не помогли. Его арестовали и увезли в г. Тихвин, где, продержав двое суток в тюрьме, выпустили, но еще двенадцать дней после этого вызывали на допросы. Только 30 декабря 1918 года он смог вернуться к месту своего служения в Реконскую пустынь⁵⁷.

Но еще до возвращения игумена, в его отсутствие, Реконский монастырский рабочий совет в первом из своих документов после решения о создании самого совета за № 2 от 26 декабря 1918 года, подписанного председателем совета Григорием Воронцовым и секретарем Феофаном Богдановым, сообщал отцу благочинному тихвинских монастырей архимандриту Антонию, что «25 декабря... Реконская пустынь поступила в ведение советского рабочего правительства и поэтому отказывается выплачивать епархиальные взносы»⁵⁸.

Возвращение игумена из Тихвина положения вещей не изменило. 31 декабря 1918 года он уже докладывал епархиальному совету: «Довожу до сведения епархиального совета, что я в настоящее время бессилён исполнить распоряжения епархиального начальства относительно денежных взносов как на епархиальные нужды, так и в общецерковную казну»⁵⁹.

Скажем прямо: ситуация, которая сложилась в Реконской пустыни, была типичной. При закрытии монастырей Советская власть не особенно церемонилась с монашествующими. Представители комиссий уездных советов и подотделов отделов юстиции губернских исполкомов постоянно нарушали положения Декрета по отделению Церкви от государства, 13 пунктов которого редактировал лично Ленин. Согласно этому Декрету здания храмов и богослужбное имущество должны были безвозмездно передаваться в пользование группам верующих, заявившим на них свои права, а никак не рабочим комитетам совхозяйств, что делалось фактически повсеместно и являлось грубейшим нарушением прав верующих и советского законодательства.

В Государственном архиве Новгородской области содержится небольшой по объёму, но огромный по своему цинизму документ, характеризующий политику государства тех лет по отношению к Церкви. Из протокола заседания Новгородского Губисполкома за № 1701 от 17 апреля 1919 года мы узнаем о докладе товарища Зорина. Суть доклада сводилась к следующему: подотдел Отдела юстиции по отделению Церкви от государства Новгородского губисполкома существует уже три месяца. Теперь этот срок прошёл. Все церкви и монастыри ликвидировать за это время не удалось. А потому тов. Зорин просит продлить существование подотдела и отпустить на его нужды из средств Новгородского епархиального совета 38 591 рубль 74 копейки! Далее из постановления ясно, что подотделу поручалось «увеличить свой штат, дабы скорее закончить работу»⁶⁰. Таким образом, из этого документа мы узнаем, что церкви и монастыри ликвидировались за счёт средств самой церкви, пожертвований прихожан!

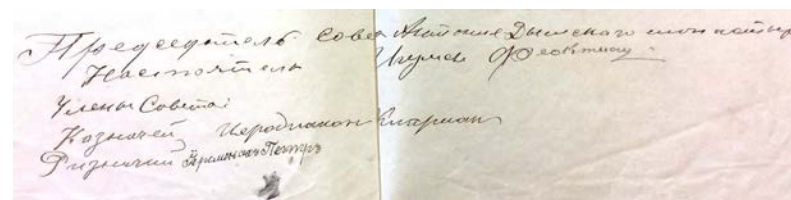
Надо отметить, что как Новгородский епархиальный совет, так и высшая церковная власть достаточно быстро реагировали на нарушения закона. В фонде Канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода, который хранится в РГИА, в постановлении от 3–16 мая 1919 года читаем: «Святейший Патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет Православной Российской Церкви в соединенном присутствии слушали поступившие от Преосвященного Митрополита Новгородского, во исполнение циркулярного распоряжения Высшего Церковного Совета от 18–31 декабря 1918 г. за № 32, представления Новгородского Епархиального Совета за №№ 2025..., 1984, 2016, 1980, 1981, 1861, 1810, 2159, 1979, 1939, 1982, 2017 с следующими к этим представлениям приложениями о разных событиях, происшедших в жизни некоторых монастырей и церковей Новгородской епархии в конце минувшего и в текущем годах...

К представлению за № 2016 приложена копия с донесения настоятеля и старшей братии Реконской пустыни от 22 февраля...

По сему поводу Епархиальный Совет постановил от имени Преосвященного Митрополита Арсения просить ВЦС заявить советской власти о неправильном применении инструкции комиссара юстиции, согласно которой храмы и все имущество, назначенное для богослужебных целей, должны быть переданы при желании принять группе лиц с тем, чтобы распоряжение уездных отделов передавать храмы рабочим комитетам было отменено»⁶¹.

Как ранее епархиальным, так и Высшим Церковным Советами были заявлены протесты, и советская власть вынуждена была реагировать. На места, по всей видимости, были направлены соответствующие распоряжения. Как бы спохватившись,

власти стали исправлять создавшееся положение с незаконной передачей монастырских храмов рабочим комитетам. Уже 15/28 февраля 1919 года в Реконскую пустынь приехал уполномоченный И. Федоров и «потребовал (!), чтобы при Реконской пустыни непременно был организован свой приход, и членам этого прихода должны быть сданы на хранение как монастырские храмы, так и их церковно-ризничное имущество... А потому крестьяне близлежащих деревень... решили организовать свой приход, в число которого вступило: взрослых мужчин 179, а женщин 222, а обоюго пола 401 человек. В силу этого они вместе с насельниками пустыни подписали через уполномоченных свое согласие... После этого... Федоров объявил, что Реконская пустынь считается упраздненной, а приход должен приискать себе священника»⁶².

Факсимиле председателя совета Антониево-Дымского монастыря игумена Феохтиста и казначея совхоза иеродиакона Киприана

Удивительно, но при закрытии Антониево-Дымского монастыря того же Тихвинского уезда ничего подобного тому, что происходило в Реконской пустыни и в других тихвинских монастырях, не случилось. Никто старшую братию никуда не выгонял. Никого не арестовывали. Более того, когда после закрытия монастыря был избран рабочий комитет и организована сельскохозяйственная коммуна, то председателем рабочего комитета был избран тот же игумен Феохтист, а казначеем иеродиакон Киприан!

«С 1 апреля текущего года, — читаем мы в докладной записке игумена Феоктиста Новгородскому епархиальному совету за № 1696, — от комитета рабочих принял настоятель монастыря в свое ведение денежную сумму и прочее в присутствии члена Тихвинского исполкома заведующего сельским хозяйством Иванова наличных денег шестьсот девяносто девять рублей 45 копеек (699 руб. 45 коп.). Билетами и квитанцией на билеты — восемьдесят девять тысяч четыреста семьдесят восемь рублей (89 478 руб.). Вся билетная сумма по требованию... сдана в ведение гражданской власти (таким образом монастырь разом лишился всех своих накоплений, содержащихся в банках — прим. авт.)⁶³. Хозяйство монастыря объявлено советским хозяйством. Братия монастыря, которая в силу своего возраста и состояния здоровья не могла работать, была зачислена в приют престарелых, организованный там же при совхозе Антониево-Дымского монастыря. Те, кто в состоянии был трудиться, были зачислены в рабочие совхоза.

Тем не менее несмотря на упразднение монастыря служба церковная в обители совершалась ежедневно: вечерня, утренняя и обедня в полиелейные и праздничные дни. В другое время — обедница.

Денежное пособие настоятель и братия получали из общих доходов монастыря. Всего дохода за 1919 год 13 186 рублей 92 копейки, и принятые от комитета 699 рублей 45 копеек. Всего с принятыми 13 886 рублей 37 копеек.

Расхода за 1919 год настоятелю и братии наличными выдано 4445 рублей и на содержание продуктами 3100 рублей. Всего расхода монастырского и братского 10 424 рубля 20 копеек. Остаток на 1920 год наличными 3362 рубля 17 копеек. Билетами — нет.

В 1919 году отделено в епархиальный совет на общецерковные нужды 5 % (отчисления 692 рубля 50 копеек) и 3 % (отчисления 525 рублей) на епархиальные нужды.

Хлебом и продуктами до нового урожая обеспечены»⁶⁴.

Надо отдать должное игумену монастыря, который необъяснимым с точки зрения сложившейся общей ситуации образом сумел договориться с властями и оставить за собой монастырь. Этому, скорее всего, способствовала сплоченность братии, которая при безбожной власти, начавшихся изъятиях имущества, гонениях и расстрелах, проголосовала за своего настоятеля, который даже в таких условиях умудрился выплачивать из бюджета советского хозяйства епархиальные взносы! Вещь для того времени — немыслимая.

Не были потревожены как при ликвидации монастыря, так и при закрытии впоследствии его соборного храма мощи преподобного Антония Дымского, хотя 29 июля (12 августа) 1920 года постановлением СНК РСФСР решено было провести полную ликвидацию мощей во всероссийском масштабе⁶⁵.

Но через десять лет обитель все-таки де-факто окончательно прекратила свое существование. Существование монастыря в виде совхоза также раздражало власти, и оно было упразднено. 25 августа 1929 года в Дымском монастыре был организован колхоз «Красный броневик»⁶⁶. Тогда же, в 1929 году, был окончательно закрыт деревянный храм Рождества Иоанна Предтечи Антониево-Дымского монастыря⁶⁷.

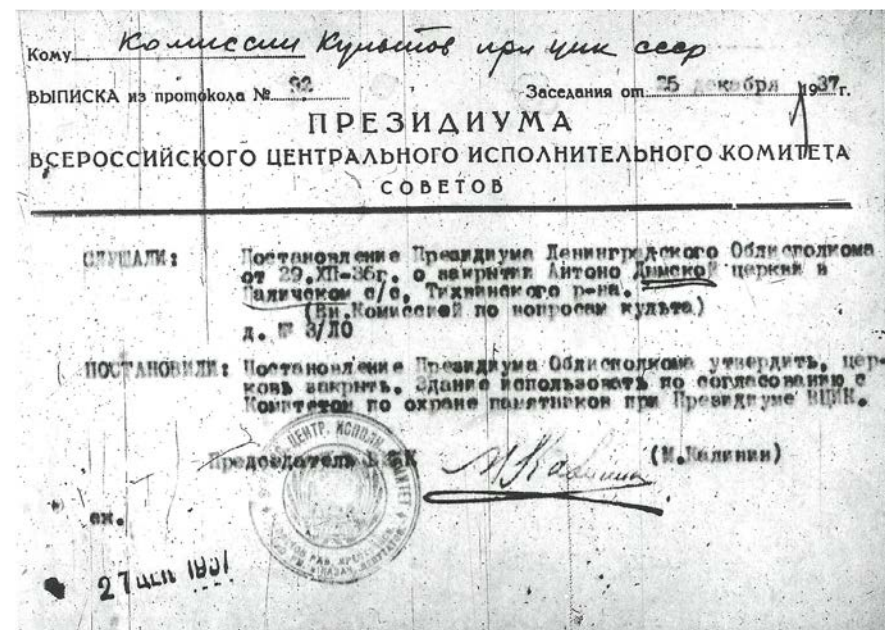
Троицкий собор монастыря действовал в качестве приходского вплоть до конца 1936 года (туда приезжали богомольцы из г. Тихвина, после того как там были закрыты или перешли в ведение обновленцев практически все церкви). По представлению Президиума Ленинградского Облисполкома от 29 декабря

1936 года⁶⁸ Президиум ВЦИК РСФСР на заседании 25 декабря 1937 года принял решение о закрытии Антониево-Дымской церкви в Галичском с/с Тихвинского района, о чем свидетельствует выписка из протокола этого заседания № 92 за личной подписью М. И. Калинина⁶⁹. Храм был передан в ведение Тихвинского музея.

Для закрытия храма (несмотря на жалобу членов двадцатки в Ленинградский облисполком, протест от 18 апреля 1937 года, и просьбу во ВЦИК РСФСР ее прихожан⁷⁰, что было чревато арестом со всеми вытекающими из этого последствиями) использовалось стандартное основание, что требования местного музея в отношении ремонта памятника⁷¹, который находится под государственной охраной, двадцаткой и в целом общиной систематически не выполняются⁷², и с закрытием церкви верующие (община имеет в своем составе 100–125 человек) могут пользоваться для отправления своих религиозных нужд другим храмом, который находится в восьми километрах от Дымского монастыря.

Подытоживая рассмотрение положения новгородских монастырей после прихода советской власти, и в частности, Антониево-Дымского монастыря, можно сказать следующее. На протяжении первых ее лет мы видим стремительное усиление давления на обитатели и репрессий по отношению к насельникам. В конце 1918 года «неизвестные лица» стали совершать «набеги» на монастыри. Не предъявляя никаких документов, «реквизировали» — изымали из келий монахов их личные вещи и деньги (могли взять, например, со стола в келье чай и сахар). Попросту расхищали съестные припасы из монастырских подвалов⁷³. Затем на смену «неизвестным лицам» пришли официальные уполномоченные

Выписка из протокола заседания Президиума ВЦИК РСФСР от 25 декабря 1937 года о закрытии Казанского храма Антониево-Дымского монастыря

с мандатами, и к началу 1919 года большая часть монастырей была закрыта и обращена в совхозы. Этот процесс практически завершился к 1920 году. Монастырское имущество было либо реквизировано, либо передано вновь образованным коммуна⁷⁴.

Монахи пытались приспособиться к новым тяжелейшим условиям выживания, но их участь, как и участь обитателей была предрешена. Власти требовали передачи храмов коллективам верующих после ликвидации монастырей, что и было сделано, с составлением соответствующих типовых соглашений⁷⁵. К концу 30-х годов храмы были закрыты. Не стало и общин верующих.

Сегодня Антониево-Дымский монастырь возрождается.

Комментарии и сноски к тексту

¹ Польский М., *протопресв.* Новые мученики Российские. М., 1994. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). Ч. 1. С. 183.

² Савинова И. Д. Лиховетье. Новгородская епархия и советская власть в 1917–1991 гг. Новгород, 1998. С. 15–16.

³ Там же. С. 16.

⁴ Вероисповедная политика Российского государства / Под ред. М. О. Шахова. М., 2006. С. 41.

⁵ 30 августа 1918 г. была принята инструкция Наркомюста «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви»». Именно эта инструкция установила, что под действие декрета попадают не только все церкви и монастыри, но и частные религиозные общества, преследующие цели оказания помощи или поддержки какого-либо культа. Устранялась возможность получения юридического лица братствам, сестричествам, попечительствам и союзам. «Единственным видом церковного имущества признавался складчинный капитал, а единственным способом поддержания культовых сооружений — складчинное хозяйство, причем юридическим собственником его объявлялась не община, а отдельные ее члены. Инструкция устанавливала порядок национализации церковного имущества. Оно переходило в непосредственное заведование местных Советов согласно описи, а те передавали их в бесплатное пользование местным жителям, числом «не менее 20 человек», по специальному соглашению. Все небогослужбное имущество и капиталы предписывалось немедленно отобрать, метрические книги передать в губернские отделы ЗАГСов... Существование специальных богословских учебных заведений воспрещалось... После принятия инструкции НКЮ от 30 августа отношения государства и Церкви обострились до крайности. Это нашло отражение в контактах советских органов и организаций с монастырями. В соответствии с установкой НКЮ власти, как в центре, так и на местах, повели линию на повсеместное их закрытие» (Русская Православная Церковь XX век. М.: Сретенский монастырь, 2008. С. 113–114).

⁶ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 362.

⁷ 19 апреля 1918 г. была создана специальная ликвидационная комиссия при народном комиссариате юстиции для проведения в жизнь декрета

«Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». 8 мая 1918 года при наркомате юстиции был создан 8-й (позднее 5-й) отдел для проведения в жизнь декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». В губерниях и уездах также создавались соответствующие структуры.

⁸ Заявление членов Всероссийского Церковного Собора и представителей православных приходов и соборное постановление о декрете советской власти «О свободе совести». Копии // ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 129.

⁹ Русская Православная Церковь XX век. М.: Сретенский монастырь, 2008. С. 96, 99.

¹⁰ В частности, сведения о монастырях имеют место быть в фондах Отдела юстиции Новгородского губисполкома (ГАНО, Ф. Р-268), где содержатся отчеты, доклады, сводки и т. п. о работе церковно-ликвидационного подотдела губотдела юстиции, о выполнении Декрета ВЦИК об отделении Церкви от государства. Есть сведения о положении новгородских церквей и монастырей в Фонде отдела управления Новгородского губисполкома (ГАНО, Ф. Р-269). Циркуляры, протоколы и переписка президиума исполнительного комитета с губернскими и уездными учреждениями по вопросам церквей и монастырей, переписка с НКВД РСФСР о выявлении и передаче церковного имущества, переписка губисполкома со ВЦИК, ответы на ходатайства верующих и т. д. содержатся в документах Новгородского губисполкома за 1917–1927 гг. (Ф. Р-822).

¹¹ Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области. 1727–1995 гг.: Справочник / Комитет культуры, туризма и архивного дела Новгородской области. Государственный архив Новгородской области. Сост.: О. В. Снытко (отв. сост.), Т. А. Данько, А. В. Кузнецов и др. СПб., 2009. С. 33.

¹² До событий Первой мировой войны, Февральской революции и октябрьского переворота по состоянию на 1914 год помимо Архиерейского дома в Новгородской епархии существовали следующие монастыри: мужские: 1) Антониев Новгородский, 2) Боровичский Свято-Духов, 3) Вяжицкий, 4) Дымский, 5) Иверский, 6) Кирилло-Белозерский, 7) Кирилло-Новоезерский, 8) Мало-Кириллов Новгородский, 9) Моденский, 10) Николо-Беседный, 11) Нило-Сорская пустынь, 12) Отенский, 13) Перекомский, 14) Савво-Вишерский, 15) Сковородский, 16) Старорусский, 17) Тихвинский Большой, 18) Троицкая Реконская пустынь, 19) Филиппо-

Ирапская пустынь, 20) Хутынский, 21) Юрьевский, 22) Воскресенский, 23) Железковская пустынь; женские: 1) Горицкий, 2) Новгородский Десятин, 3) Деревяницкий, 4) Новгородский Зверин, 5) Званский, 6) Леушинский, 7) Короцкий, 8) Новгородский Свято-Духов, 9) Сырковский, 10) Тихвинский Введенский. 11) Валдайский Успенский, 12) Ригодицкий, 13) Косинский, 14) Рдейская пустынь, 15) Ферапонтов, 16) Парфеновская община, 17) Филаретовская община, 18) Тиховская община, 19) Клопский, 20) Черноезерская пустынь (Ведомость о монашествовавших, послушниках монастырей Новгородской епархии // ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3975. Л. 1).

¹³ Ведомости о монашествовавших, о количестве земли, о хлебопашестве, о скотоводстве, пчеловодстве, о неокладных суммах и послужные списки по Антониево-Дымскому монастырю Тихвинского уезда за 1918 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 996. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Л. 24 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 19.

¹⁸ «В XVIII — начале XX в. основной единицей мер объема сыпучих тел являлся четверик., что составляет в четверти 8 пудов ржи зерна» (Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. Учеб. пособие. — 2-е изд. — М.: «Высшая школа», 1975. С. 250).

¹⁹ Ведомости о монашествовавших, о количестве земли, о хлебопашестве, о скотоводстве, пчеловодстве, о неокладных суммах и послужные списки по Антониево-Дымскому монастырю Тихвинского уезда за 1918 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 996. Л. 24 об. — 25.

²⁰ Клировая ведомость о церкви святителя Николая Чудотворца Дымского погоста Тихвинского уезда Новгородской епархии за 1918 год / Церковные ведомости по алфавиту названия церквей Тихвинского уезда с буквы «Б» по «М» за 1918 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 993. Л. 71–71 об.

²¹ Там же. Л. 76.

²² Ведомости о монашествовавших, о количестве земли, о хлебопашестве, о скотоводстве, пчеловодстве, о неокладных суммах и послужные списки по Антониево-Дымскому монастырю Тихвинского уезда за 1918 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 996. Л. 37.

²³ Там же. Л. 38.

²⁴ Там же. Л. 39.

²⁵ Там же. Л. 40.

²⁶ Там же. Л. 35.

²⁷ Там же. Л. 19 об.

²⁸ Там же. Л. 40.

²⁹ Там же. Л. 19 об.

³⁰ Дымский монастырь // Газета «Новгородские губернские ведомости». 1864. Неоф. часть к № 2.

³¹ Ведомости со сведениями о деятельности, средствах монастыря Антония Дымского Тихвинского уезда Новгородской епархии за 1919 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 910. 1919 г. Л. 1.

³² Ведомости о монашествовавших, о количестве земли, о хлебопашестве, о скотоводстве, пчеловодстве, о неокладных суммах и послужные списки по Антониево-Дымскому монастырю Тихвинского уезда за 1918 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 996. Л. 3.

³³ Там же. Л. 3 об.

³⁴ Там же. Л. 7 об.

³⁵ Там же. Л. 8.

³⁶ Там же. Л. 7 об.

³⁷ Там же. Л. 9 об. — 10.

³⁸ Там же.

³⁹ Белолов Г., свящ. Преподобный Антоний Дымский. Житие, подвиги, чудеса. История монастыря. Обретение мощей. Служба и акафист. СПб.; Тихвин, 2002. С. 47.

⁴⁰ Ведомости о монашествовавших, о количестве земли, о хлебопашестве, о скотоводстве, пчеловодстве, о неокладных суммах и послужные списки по Антониево-Дымскому монастырю Тихвинского уезда за 1918 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 996. Л. 11 об.

⁴¹ Там же. Л. 5 об.

⁴² Там же. Л. 11 об.

⁴³ Там же. Л. 13 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 18 об.

⁴⁷ «В ноябре 1918 г. для претворения в жизнь «Декрета о свободе совести» при отделе юстиции Новгубисполкома создается церковно-

ликвидационный подотдел» (ГАНУ. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 37. Л. 2) (*Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей*. М.: Северный паломник, 2011. С. 103).

⁴⁸ Там же. С. 103.

⁴⁹ Новгородского епархиального совета по 5 столу № 24. Дело о проведении сов. властью декрета об отделении Церкви от государства // ГАНУ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 153. 1918–1919 гг. Л. 47–47 об.

⁵⁰ Там же. Л. 223.

⁵¹ Там же. Л. 222.

⁵² Там же. Л. 44–44 об.

⁵³ Например, в той же Новгородской епархии «17 февраля 1918 г. в женский Духов монастырь явились два неизвестных человека, один в военной форме, другой в штатской одежде, с требованием показать хозяйственный двор. Они заявили, что скотный двор реквизируется...» (ГАНУ. Ф. Р-822. Оп. 1. Д. 190. Л. 5 об.) Тогда же «в феврале 1918 г. у Саввино-Вишерского монастыря отобрали стадо коров, а в апреле волостной комитет самовольно захватил монастырскую землю» (ОПИ НГМ. КП № 11834. Л. 54 об. — 55). (*Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей*. М.: Северный паломник, 2011. С. 103). Предписанием земельного губернского отдела в Отенском монастыре Крестецкого уезда было «реквизировано все монастырское хозяйство: коровы, лошади, земли, сельскохозяйственные здания и орудия обработки земли, взята вся мебель и обстановка, 4125 руб. денег — и, как сообщалось в представлении Новгородского епархиального совета, передано в управление рабочему Николаю Федорову(!)». Как сообщалось, «Окрестное же население требует оставления хозяйства за монастырем или берет таковое на себя. В этих видах крестьянами в числе 300 чел. составлен внушительный приговор, причем предположено в случае неудачного исхода дела на месте послать делегатов в Москву» (РГИА Ф. 831. Оп. 1. Д. 23. Л. 11). В рапорте игумена Иверского Валдайского монастыря архимандрита Иосифа епископу Тихвинскому Алексию от 24 ноября 1918 года сообщалось о том, что в монастыре была размещена колония беспризорников Петроградского воспитательного дома. Монахи приняли детей, разместили их в зданиях монастыря, стали кормить в монастырской трапезной, отмыли, но спустя три месяца их попросили покинуть обитель и уходить куда угодно, оставив, правда при этом, все имущество в монастыре (Новгородский епархиальный Совет.

О реквизиции монастырского имущества // ГАНУ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 74. 3 сентября 1918 г. — 10 декабря 1918 г. Л. 5). В некоторых монастырях производились также и обыски, во время которых бывали случаи кощунственного отношения к святыням. При производстве обыска в теплом храме Старорусского Спасо-Преображенского монастыря 2 декабря 1918 г. «сопровождавшие комиссара (поляка Давидова) солдаты: ...ковыряли частицы св. мощей в раке, поднимали своими руками парчовую одежду на престоле св. князя Владимира и пытались поднять массивную серебряную одежду с главного престола, успев, однако, отвинтить только одно массивное стекло с футляра этой одежды. В холодном Преображенском храме солдатами ободрана часть деревянной обшивки иконостаса, а св. престол сдвинут с своего основания», — писал в докладной записке настоятель монастыря епископ Димитрий. «После такого поругания престол этот необходимо будет освятить вновь полным освящением, а в противном случае нельзя на нем совершать литургии» (РГИА Ф. 831. Оп. 1. Д. 23. Л. 8 об. — 9). Во время таких обысков представители властей нередко самовольно отбирали у насельников их собственные деньги и вещи (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 23. Л. 7–7 об.). Незадолго до окончательного закрытия некоторых обителей епархии монастырские корпуса занимали солдаты воинских частей, которые расхищали съестные припасы и нередко оскорбляли религиозные чувства насельников и паломников. Например, настоятель того же Спасо-Преображенского монастыря г. Старая Русса таким образом описывал «возмутительный случай кощунства» в его обители: «В воскресенье 10 февраля один из солдат в присутствии нескольких богомольцев бросил большую стеклянную бутылку в икону Божией Матери, находящуюся над колодцем, и вдребезги разбил эту икону» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 23. Л. 8 об.).

⁵⁴ Новгородского епархиального совета по 5 столу № 24. Дело о проведении сов. властью декрета об отделении Церкви от государства // ГАНУ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 153. 1918–1919 гг. Л. 173–175.

⁵⁵ В уездах тогда были образованы не подотделы юротделов, как это было на уровне губернии, а комиссии при исполкомах по отделению Церкви от государства.

⁵⁶ Предписание Комиссии по отделению Церкви от государства при Тихвинском совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за № 10 от 25 декабря 1919 года / Новгородского епархиального совета

по 5 столу № 24. Дело о проведении сов. властью декрета об отделении Церкви от государства // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 153. 1918–1919 гг. Л. 72–72 об.

⁵⁷ Рапорт настоятеля Троицко-Реконской пустыни игумена Иннокентия в Новгородский епархиальный совет от 12 января 1919 года / Новгородского епархиального совета по 5 столу № 24. Дело о проведении сов. властью декрета об отделении Церкви от государства // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 153. 1918–1919 гг. Л. 49–50.

⁵⁸ Новгородского епархиального совета по 5 столу № 24. Дело о проведении сов. властью декрета об отделении Церкви от государства // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 153. 1918–1919 гг. Л. 45–45 об.

⁵⁹ Там же. Л. 50.

⁶⁰ Новгородский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Исполнительный комитет. Отдел юстиции. Доклады, сводки церковно-ликвидационного подотдела губотдела юстиции о работе за 1920–1921 гг. / Выписка из протокола заседания исполнительного комитета № 1701 от 4/17 апреля 1919 года в Юридический отдел // ГАНО. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 115. Л. 4 а.

⁶¹ Канцелярия патриарха Тихона и Священного Синода. Постановления от 3–16 мая 1919 г. // РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 23. Л. 7–9.

⁶² Рапорт настоятеля Троицкой Реконской пустыни игумена Иннокентия митрополиту Новгородскому и Старорусскому Арсению за № 13 от 3 марта 1919 года / Новгородского епархиального совета по 5 столу № 24. Дело о проведении сов. властью декрета об отделении Церкви от государства // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 153. 1918–1919 гг. Л. 131–132.

⁶³ Впрочем, на тот момент монастырь вряд ли мог воспользоваться деньгами, которые были положены им в банки. К этому времени советской властью «были аннулированы... все частные ценные бумаги: акции, облигации, закладные листы, страховые полисы. Хотя вклады в банках формально не были конфискованы или аннулированы, на деле использовать эти деньги стало невозможно». «Госбанк и коммерческие банки были слиты... в Народный банк, которому первоначально отводились важные функции в контроле над сохранявшимся частным сектором в промышленности. Были конфискованы все ценности, как материальные, так и бумажные, хранившиеся в банках. В частности, конфискации подлежало все, что хранилось в частных сейфах в помещениях банков. Это было частью всеобъемлющей программы конфискации практически любых форм

денежного капитала и сбережений» (Денежный хаос в Советской России в 1917–1924 годах // Портфельный инвестор. 2008, № 12. С. 110–119 (URL: <http://www.globfin.ru/articles/crisis/russia.htm> (дата обращения 18.10.2016)).

⁶⁴ Общие сведения о Тихвинском Антониево-Дымском монастыре за 1919 год / Ведомости со сведениями о денежных средствах монастыря Антония Дымского Тихвинского уезда Новгородской епархии за 1919 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 910. Л. 1–1 об.

⁶⁵ Постановления Совнаркома и материалы по выработке циркуляра о ликвидации мощей во Всероссийском масштабе // ГАРФ. Ф. 353. Оп. 4. Д. 379. 30 июля 1920 — 24 сентября 1920 г.

⁶⁶ В архивной справке Государственного казенного учреждения «Ленинградский областной архив в г. Выборге» (ГКУ ЛОГАВ) от 28.04.2016 года за № 16–101 мы читаем следующее: «В неполных документах архивных фондов Управления сельского хозяйства Тихвинского района Ленинградской области, Ленинградского областного управления сельского хозяйства в именных карточках колхозов за 1929–1931 гг. ...имеются следующие сведения: колхоз (сельхозкоммуна) «Красный Броневики» образован в Тихвинском районе 25 августа 1929 года... Основание: ФР-105. Оп. 1. Д. 98. Л. 23; ФР-105. Оп. 2. Д. 17. Л. 15; ФР-4727. Оп. 7. Д. 757. Л. 46–48».

⁶⁷ Дело о закрытии Антониево-Дымской церкви в Галичском сельсовете Тихвинского района и о передаче здания Тихвинскому музею, согласовав его использование с Комитетом по охране памятников при Президиуме ВЦИК // ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 1126. 26 апреля 1936 — 28 декабря 1937. Л. 14.

⁶⁸ В выписке из протокола № 5 заседания Областной Комиссии по вопросам культа Леноблсполкома от 29 декабря 1936 года «О ликвидации Антониево-Дымской церкви Галичского с/совета Тихвинского района» было записано следующее: «Слушали-постановили: Принимая во внимание, что церковь расположена в центре колхоза «Красный Броневики» на территории Антониево-Дымского монастыря и на основании заключения Ленинградского института Курортологии и климатологии вся местность должна быть отведена для строительства дома престарелых. В связи с тем, что озеро имеет железистые воды, обладающие лечебными свойствами, — церковь закрыть, а помещение церкви по согласованию с уполномоченным по охране памятников использовать для намеченной

⁷⁵ См. например: Новгородского епархиального совета по 5 столу № 24. Дело о проведении сов. властью декрета об отделении Церкви от государства // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 153. 1918–1919 гг. Л. 139.

Принятые сокращения

ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет

ВЦС — Высший Церковный совет

ГКУ ЛОГАВ — Государственное казенное учреждение «Ленинградский областной государственный архив» (г. Выборг. Лен. обл.)

ГАНО — Государственный архив Новгородской области (Великий Новгород)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

СНК (Совнарком) — Совет Народных комиссаров

ОПИ НГМ — Отдел письменных источников Новгородского государственного музея

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

РИК — Районный исполнительный комитет

Источники и литература

1. Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области. 1727–1995 гг.: Справочник / Комитет культуры, туризма и архивного дела Новгородской области. Государственный архив Новгородской области. Сост.: О. В. Снытко (отв. сост.), Т. А. Данько, А. В. Кузнецов и др. СПб., 2009.

2. Белолов Г., свящ. Преподобный Антоний Дымский. Житие, подвиги, чудеса. История монастыря. Обретение мощей. Служба и акафист. СПб.; Тихвин, 2002.

3. Ведомости о монашествующих, о количестве земли, о хлебопашестве, о скотоводстве, пчеловодстве, о неокладных суммах и послужные списки по Антониево-Дымскому монастырю Тихвинского уезда за 1918 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 996.

4. Ведомость о монашествующих, послушниках монастырей Новгородской епархии // ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3975.

5. Ведомости со сведениями о деятельности, средствах монастыря Антония Дымского Тихвинского уезда Новгородской епархии за 1919 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 910.

6. Вероисповедная политика Российского государства / Под ред. М. О. Шахова. М., 2006.

7. Дело о закрытии Антониево-Дымской церкви в Галичском сельсовете Тихвинского района и о передаче здания Тихвинскому музею, согласовав его использование с Комитетом по охране памятников при Президиуме ВЦИК // ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 1126. 26 апреля 1936 — 28 декабря 1937.

8. Денежный хаос в Советской России в 1917–1924 годах // Портфельный инвестор. 2008, № 12. С. 110–119 (URL: <http://www.globfin.ru/articles/crisis/russia.htm> (дата обращения 18.10.2016)).

9. Заявление членов Всероссийского Церковного Собора и представителей православных приходов и соборное постановление о декрете советской власти. Копии // ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 129.

10. Инструкция к составлению сельскохозяйственных коммун и декрет об организации и снабжении деревенской бедноты. Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, 1918.

11. *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. Учеб. пособие. — 2-е изд. — М.: «Высшая школа», 1975.

12. Канцелярия Патриарха Тихона и Священного Синода. Постановления 3–16 марта 1919 года Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Российской Православной Церкви // РГИА Ф. 831. Оп. 1. Д. 23.

13. Клировая ведомость о церкви святителя Николая Чудотворца Дымского погоста Тихвинского уезда Новгородской епархии за 1918 год / Церковные ведомости по алфавиту названия церквей Тихвинского уезда с буквы «Б» по «М» за 1918 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 993.

14. Новгородского епархиального совета по 5 столу № 24. Дело о проведении сов. властью декрета об отделении Церкви от государства // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 153. 1918–1919 гг.

15. Новгородский епархиальный Совет. О реквизиции монастырского имущества // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 74. 3 сентября 1918 г. — 10 декабря 1918 г.

16. Новгородский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Исполнительный комитет. Отдел юстиции. Доклады, сводки церковно-ликвидационного подотдела губотдела юстиции о работе за 1920–1921 гг. / Выписка из протокола заседания исполнительного комитета

№ 1701 от 4/17 апреля 1919 года в Юридический отдел // ГАНО. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 115.

17. Общие сведения о Тихвинском Антониево-Дымском монастыре за 1919 год / Ведомости со сведениями о денежных средствах монастыря Антония Дымского Тихвинского уезда Новгородской епархии за 1919 год // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 910.

18. *Польский М., протопресв.* Новые мученики Российские. М., 1994. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). Ч. 1.

19. Постановления Совнаркома и материалы по выработке циркуляра о ликвидации мощей во Всероссийском масштабе // ГАРФ. Ф. 353. Оп. 4. Д. 379. 30 июля 1920 — 24 сентября 1920 г.

20. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. Документы и фотоматериалы 1917–1941 гг. / Под ред. О. Ю. Васильева. — М., 1996.

21. Русская Православная Церковь XX век. М.: Сретенский монастырь, 2008.

22. *Савинова И. Д.* Лихолетье. Новгородская епархия и советская власть в 1917–1991 гг. Новгород, 1998.

23. *Секретарь Л. А.* Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011.

24. Устав Савво-Вишерской и Мало-Кирилловой женской сельскохозяйственной земледельческой коммуны / Новгородский епархиальный Совет. О реквизиции монастырского имущества Новгородской епархии // ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 73. 30 августа 1918 г. — 3 января 1919 г.

Священник Дмитрий Пономарев

**Антониево-Дымский монастырь
в первые годы советской власти**

Редактор
Юлия Жданова

Заставка художника
С. А. Гутана

Компьютерная верстка, дизайн
С. С. Афонин